

Тариева Лилия Увайсовна

КРИТЕРИИ АКТАНТНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ В ДИАТЕЗАХ НАХСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье предпринимается попытка обоснования конвенциональности функционального размещения компонентов парадигмы лиц, претендующих на статус первых, в семантике глаголов различных корпусов. Компоненты парадигмы лиц (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее) как глубинные категории выступают в качестве различных актантов, морфосинтаксически неоднозначно представленных на поверхностном уровне. Дистрибуция компонентов парадигмы лиц в семантической структуре глаголов связана с двумя прагматическими установками, кодирующими различных речевых лиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 164-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

в подобных «словарях» имеют давнюю историю и передаются курсантами от выпуска к выпуску, а само изучение таких «словарей» может представлять несомненный интерес как для лингвиста, так и для культуролога, исследующего повседневность через такие свидетельства эпохи, как дембельские и выпускные школьные альбомы, рукописные песенники и т.п.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы: 1) использование приемов языковой игры получило широкое распространение в сфере военного жаргона, при этом создание комического эффекта не является единственной коммуникативной установкой адресанта, использующего в своей речи жаргонизмы; 2) одним из наиболее востребованных приемов языковой игры в военном жаргоне является обыгрывание аббревиатур.

Перспективным представляется дальнейшее изучение приемов языковой игры в военном жаргоне, в том числе привлечение сопоставительного материала из других жаргонных пластов современного русского языка.

Список литературы

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983. С. 172-214.
2. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. Владивосток: ВГУЭС, 2008. 196 с.
3. Попова О. А. Аббревиация в речи курсантов военного вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57). Ч. 1. С. 159-161.
4. Серебrennikov Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1970. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения: 02.03.2016).
5. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 169-171.

THE USE OF LANGUAGE GAME TECHNIQUES IN MILITARY JARGON

Soboleva Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Perm National Research Polytechnic University

Perm Military Institute of the Interior Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

olga.v.soboleva@gmail.com

Popova Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

Perm Military Institute of the Interior Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

p-olgaperm@mail.ru

This article analyzes the language game in military jargon. The authors consider the communicative arrangements and techniques of the language game in the speech of the cadets of the military institution of higher education (the use of indirect nominations, the use of precedential texts, abbreviation, game interpretation of the common-literary word).

Key words and phrases: language game; jargon; military jargon; techniques of language game; abbreviation.

УДК 81'367.7

В данной статье предпринимается попытка обоснования конвенциональности функционального размещения компонентов парадигмы лиц, претендующих на статус первых, в семантике глаголов различных корпусов. Компоненты парадигмы лиц (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее) как глубинные категории выступают в качестве различных актантов, морфосинтаксически неоднозначно представленных на поверхностном уровне. Дистрибуция компонентов парадигмы лиц в семантической структуре глаголов связана с двумя прагматическими установками, кодирующими различных речевых лиц.

Ключевые слова и фразы: актант; эвиденциальность; модус; парадигма лиц; магистральный актант; прагматическая установка.

Тариева Лилия Увайсовна, к. филол. н., доцент

Ингушский государственный университет

Tarieva00@mail.ru

КРИТЕРИИ АКТАНТНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ В ДИАТЕЗАХ НАХСКОГО ЯЗЫКА

Вопросы теории базовых структур языков сосредоточены вокруг специфики функционирования именных и глагольных групп [1; 2; 4; 5; 6; 7; 14], поиск кодирующих свойств – «константы» или «доминанты» [2; 6] – нацеливает на исследование принципов семантической дистрибуции глагольных и именных групп различных языков.

Кавказские языки отличаются квантитативной широтой именной морфологии, обусловленной на глубинном уровне, как нам представляется, гетерогенной активностью компонентов парадигмы лиц, характерологической для эргативных языков: лицо Созерцающее, лицо Слышащее, лицо Говорящее, лицо Произносящее [8, с. 330-331].

Семантический подход к исследованию глагольной и именной лексики ингушского языка обнаруживает правила, сообразно которым лица парадигмы распределяются в лексическом значении различных корпусов глаголов на правах первой валентности, названной нами магистральной.

Функциональное распределение лиц-актантов обуславливается фоновыми знаниями, двумя прагматическими установками, характерологическими для эргативного ингушского языка: первая, представляющая лицо Говорящее, синхронно закодирована в номинативной диатезе ингушского языка с глаголом бытия: *со ва 'я есть'*, исторически возникшая из прагматической установки: *со в а 'я мужчина в пространстве'* (сравните с: *со й а 'я женщина в пространстве'*). Темпоральная координата локализации Говорящего осознается позже пространственной, т.е. присоединяется к пространственной в качестве автономной лексемы *хланз 'теперь'* во вторую очередь: *Со в а хланз 'Я мужчина в пространстве теперь'*.

Вторая прагматическая установка, релевантная для ингушского языка, представляющая лицо Произносящее, закодирована в наречии: *укхаза 'здесь'*, исторически возникшем из прагматической ситуации: у 'тут', *кх 'еще', аз 'я', а 'в пространстве'*, т.е. *'тут еще я в пространстве'*. Лексема *а 'в пространстве'*, диахронически широко представленная в ингушском языке, синхронно функционирует в ограниченном контексте, например, в поговорке: *е цлазла вац, е а вац 'ни в доме, ни в пространстве'* – о нерадивом человеке (*здесь и далее примеры составлены автором статьи – Л. Т.*).

Оформление актантных позиций при ингушском глаголе позволяет прагматически согласовать интеракцию различных компонентов парадигмы лиц с глагольным действием (состоянием, процессом).

На позицию подлежащего в ингушском языке претендуют компоненты парадигмы лиц со статусом «первый». Статус первого лица определяется в нахских языках его гетерогенной активностью, т.е. лицо обладать должно онтогенетически различными функциями (созерцанием, речением, слышанием, произнесением), эгоцентрически категорируемыми в языке, сравните:

- (1) *Со (NOM) сиха лув 'Я быстро говорю'*.
- (2) *Аз (ERG) сиха оал 'Я быстро произношу'*.
- (3) *Сона (AFF) дика гу 'Я хорошо вижу'*.
- (4) *Сона (AFF) дика хоз 'Я хорошо слышу'*.

Три первых лица (*со 'я', аз 'я', сона 'я'*), проявляющих различного рода агентивность, распределены в семантически различающихся глаголах: номинативных, эргативных, аффективных.

Вербоцентрическая концепция предложения Л. Теньера интерпретирует глагол (глагольное ядро) в качестве абсолютно господствующего члена предложения, которому на равных началах подчиняются актанты: «субъект, прямой и косвенный объекты и сирконстанты (обстоятельства)» [13, с. 135-140].

Подчинение актантов глаголу, на наш взгляд, устроено не на равных началах. Сам Л. Теньер далее в своей работе обозначает их неоднозначность: «Мы видели (гл. 48, § 4), что актанты – это лица или предметы, в той или иной степени участвующие в процессе» [Там же, с. 136]. Степень участия актантов в осуществлении глагольного действия (процесса, состояния) различная, доминирующая роль, на наш взгляд, принадлежит магистральному актанту, представляющему одно из первых лиц парадигмы, который не подчиняется глаголу, а координируется с ним на равных условиях, как две стороны медали.

Глагол не может моделировать ситуацию сам по себе без магистрального актанта, обычно представляющего свойство, заложенное в глаголе, обуславливающее различие лексического значения глагола.

Конструктивный минимум высказывания обуславливается лицом, встроенным в семантику глагола в качестве магистрального актанта. Вершину предложения образует глагол не сам по себе, а с смонтированным в его лексическое значение лицом (Говорящим, Произносящим, Созерцающим, Слышащим). Иерархическая представленность лиц-актантов согласуется с введенным Л. Теньером понятием «глагольного узла». «Актанты, – отмечает Л. Теньер, – различаются по своей природе, которая в свою очередь связана с их числом в глагольном узле. Вопрос о количестве актантов, таким образом, является определяющим во всей структуре глагольного узла» [Там же].

Тезисы Л. Теньера о «глагольном ядре», «глагольном узле», «количестве актантов», «различии природы актантов» обуславливают мысль о том, что вопрос о гетерогенном качестве (семантике) актантов, их статусе, определяемом функцией лиц в ингушском языке, их подчиненности или автономности является релевантным при расстановке первых имен (местоименных существительных) в семантике ингушских глаголов (и других нахских также).

Действие (состояние, процесс), чтобы быть осуществляемым, должно иметь своего представителя-исполнителя. Таким представителем является магистральный актант, которого можно назвать, используя терминологию Л. Теньера, первым актантом, осуществляющим действие [Там же, с. 139].

В ингушском языке качество магистрального актанта определяется одним из первых лиц (Созерцающее, Слышащее, Говорящее, Произносящее), дифференцирующим глагольные действия на отдельные корпуса. За лицом Говорящим, например, закреплено прототипическое действие – речение (*со лув 'я говорю'*, т.е. обладаю способностью), интерпретированное в качестве постулированного в силу того, что речение, предсказуемое лицу Говорящему, представляет собой свойство, данное «лицу» априори. Постулированность как семантическое

(понятийное) свойство языковых единиц обуславливается тем, что в континууме мышления ингуша нет эвиденциально закрепленной информации, удостоверенной субъектом с эпистемическим статусом, о том, что моделирование лица и его свойства «говорения» происходило в одной из означенных выше прагматических установок. В прагматической установке *со в а хланз* ‘я мужчина в пространстве теперь’ обнаруживаются, а не моделируются качества и свойства, присущие речедетелю, равно как обнаруживается и *а* ‘пространство’, в котором размещается речедетель, сравните:

(5) *Со лув* ‘Я говорю’ и:

(6) *Со лувш в а* ‘Я говорящий мужчина в пространстве’.

(7) *Со кхет* ‘Я понимаю’ и:

(8) *Со кхеташ в а* ‘Я понимающий мужчина в пространстве’ (и синхронное: *Со кхеташ ва* ‘Я понимающий (понимая) есть’).

Действие или состояние нульместных предикатов может мыслиться чем-то или кем-то обусловленными, или обладающими причиной или стимулом. За формально безактантными действиями (состояниями) подразумевается механизм, их детерминирующий:

(9) *Сатосса* ‘Светает’ (*Сатосса* – семантически эргативный глагол: *аз тосса са* ‘я бросаю свет’; Светает – форма 3 л.).

«За спиной» данной ситуации (*Сатосса* ‘Светает’) стоит лицо Созерцающее [11], представленное в ингушском языке аффективной формой имени: *Сона* (*AFF*) *гу*, *сатосса* ‘Я вижу, что рассветает’.

Двум основным членам предикативного ядра: актанту (предмету) и действию (состоянию, процессу) в структуре предложения соответствуют два главных взаимно равноправных компонента: «субъект – то, о чем сообщается нечто, предикат – то, что сообщается о субъекте» [13, с. 134]. Глагольное действие, как правило, не существует само по себе, оно каким-либо лицом или предметом в качестве актанта на поверхностном уровне экспонируется. Никакие языки не противопоставляют субъект предикату.

Действия (состояния, процессы) обладают своим исполнителем, который, прежде всего, в качестве одного из лиц парадигмы (Созерцающее, Слышащее, Говорящее, Произносящее) встроен в семантику глагола, в основной компонент его лексического значения (в корень). В зависимости от характера встроенного лица, глаголы ингушского языка распадаются на несколько корпусов: эргативные (*ERG*), номинативные (*NOM*), аффективные (*AFF*), посессивные (*POS*), локативные (*LOK*):

(10) *Аз* (*ERG*) *ду* ‘Я делаю’ (обладаю способностью).

(11) *Со* (*NOM*) *кхет* ‘Я понимаю’ (обладаю способностью).

(12) *Сона* (*AFF*) *хоз* ‘Я слышу’ (обладаю способностью).

(13) *Сога* (*LOK*) *дулу* ‘Я могу делать’.

(14) *Са* (*POS*) *сакхет* ‘Я вникаю’.

Характер семантической роли магистрального актанта в ингушском языке исторически, таким образом, определяется разнородной активностью одного из «лиц парадигмы (Созерцающего, Слышащего, Говорящего, Произносящего)» [12, с. 313-314].

Глагол экспонирует действие (состояние, процесс), в то время как встроенный в его лексическое значение актант, исторически в нахском языке представляющий одно из лиц парадигмы, имеет притязание на субъектную позицию в силу своей активности. Субъектная перспектива одного из лиц как десигната языкового знака (*со* ‘я’) определяется неоднозначной активностью реального лица. Иными словами: различные компоненты парадигмы лиц претендуют на агентную роль в силу того, что каждое из них как десигнаты языкового знака в отдельности представляют релевантную референцию функционально гетерогенного денотата – реального лица индивида (примеры: (6)-(8)), отличающегося эвиденциальной закрепленностью этой разнородной активности лица в континууме мышления индивида посредством аффективных лиц [10].

Прототипические функции: говорение, произношение, видение и слышание принадлежат лицу, что и дает основание квалифицировать лицо во всех его ипостасях в качестве инициативного, активного референта, в первую очередь отражающегося в прагматической установке, кодирующей говорящего: *со в а хланз* ‘я мужчина в пространстве теперь’. Прагматически запуск механизма каждой из функций лица, обнаруживающей его гетерогенную активность, обуславливает претензию «лица» на роль субъекта на поверхностном уровне.

Разнородность активности лиц исходит из дифференцированного *саг*, т.е. *hoto* ‘человека’ (в ингушском языке есть еще один термин, представляющий человека, – *адам* ‘человек’). За функцией лица Созерцающего и Слышащего стоит *хоалу саг* ‘*hoto sensus*’, или человек воспринимающий, репрезентирующий модальную сферу языка, ядерную функцию которой осуществляет субъект с эпистемическим (*хов* ‘знаю’) статусом, контролирующей информацию об интенционально-экспериментальной функции модусов [10; 11], на поверхностном (грамматическом) уровне представленный аффективной формой имени, сравните:

(15) *Сона* (*AFF*) *гу* ‘Я вижу’ (субъект модуса со статусом лицо Созерцающее).

(16) *Сона* (*AFF*) *хоз* ‘Я слышу’ (субъект модуса со статусом лицо Слышащее).

(17) *Сона* (*AFF*) *хов*, *сона* (*AFF*) *гу* ‘Я знаю, что я вижу’ (субъект с эпистемическим статусом, удостоверяющий функцию видения).

(18) *Сона* (*AFF*) *хов*, *сона хоз* ‘Я знаю, что я слышу’ (субъект с эпистемическим статусом, удостоверяющий функцию лица Слышащего).

Диахронически первично экспонированной функцией лица, обнаруженной чувствительностью лица Созерцающего [11] как субъекта модуса, является *лер* ‘говорение’ (или *йистхилар* ‘речение’), механизм которого осознается ингушом не как прагматически моделируемый, а как запускаемый уже в готовом виде

в прагматической ситуации: *со в а хIанз* ‘я мужчина в пространстве теперь’, что не может не отразиться в речевом сознании ингуша:

(19) *Со (NOM) йистхул* ‘Я артикулирую’ (единожды).

(20) *Со (NOM) лув* ‘Я говорю’ (не единожды, а много артикулирую).

Лицо, отвечающее за *лер* ‘говорение’, определяется в качестве Говорящего благодаря своей прототипической функции «*йистхилар* ‘артикуляции’» с целью сообщения (номинации) в дистинкции собственного *со* ‘эго’ в рефлексивном режиме [9, с. 84–85].

За функцией лица Говорящего эмпатически обнаруживается *кхета саг* ‘*homo sapiens*’, т.е. человек разумный, грамматически в ингушском языке представленный номинативной формой имени *со* ‘я’ и *vs. хоалу сага* ‘*homo sensus*’, т.е. человеку воспринимающему (например, посредством аффективных лиц). Первичная функция – *лер* ‘говорение’, т.е. неозвученная артикуляция, относящаяся к лицу речедеятеля, обнаруживается интенцией лица Созерцающего, валентной лицу Говорящему и индифферентной лицу Произносящему. Лицо Созерцающее, как интенциональный субъект модуса, экспериенциально отправляет информацию о *лер* ‘говорении’ в соответствующую ячейку перцептивного мышления, где она эвиденциально закрепляется в виде «живой картинке». Подобного рода информация, транспонированная извне в сознание интенцией лица Созерцающего [11], когнитивно маркируется как постулированное свойство, данное лицу априори в прагматической ситуации: *со а воацаш*, т.е. буквально ‘когда я не в пространстве’.

Моделирование механизма *лер* ‘речения’, закреплённого за десигнатом языкового знака лицом Говорящим, морфологически представленным в эргативных (например, в нахско-дагестанских) и номинативных (например, в русском, немецком, английском и др.) языках личным местоимением в номинативной форме имени (*со* ‘я’), на наш взгляд, эвиденциально не маркировано речевым сознанием в качестве исполненного речедеятелем в прагматической ситуации *у кх аз а* ‘тут еще я в пространстве’. Прагматическая установка *со в а* ‘я мужчина в пространстве’ отличается от прагматической установки *у кх аз а* ‘тут еще я в пространстве’ тем, что в пределах первой репрезентируются имеющиеся базовые качества и свойства, присущие речедеятелю априори, распознаваемые аффективными лицами во фрейме интенциональности [10; 11].

В речемыслительной деятельности ингуша отсутствует эвиденциально закреплённая информация о механизме моделирования речедеятелем способности лица к артикуляции, экспонируемой в глаголах речения. Закодированное в глаголах говорения свойство *йистхилар* ‘речение’ в качестве уже смоделированного обнаруживается лицом Созерцающим в дистинкции собственного *со* ‘эго’ [11] в классической прагматической установке (*со в а хIанз* ‘я мужчина в пространстве теперь’):

(21) *Сона гу, со лув* ‘Я вижу, что я произношу’, –

и вызывается к жизни каузатором-эргативом в одной из своих основных функций:

(22) *Со лув* ‘Я говорю’ – *Аз айса се луйт* ‘Я сам себя каузирую говорить’, – поэтому и мыслится ингушем как данное априори (примеры (15)–(16)) и квалифицируется нами в качестве постулированного.

В ингушском языке лицо Созерцающее в дистинкции собственного *со* ‘эго’ в прагматической ситуации *со в а хIанз* ‘я мужчина в пространстве теперь’, т.е. ‘здесь и сейчас’, обнаруживает лицо, которое артикулирует, т.е. говорит в целях сообщения (номинации), но прагматически не обнаруживает процесса моделирования речедеятелем своей способности говорить, изречь, что и фиксируется речевым сознанием ингуша в качестве постулированного свойства.

Соответственно, вслед за прототипическим *йистхилар* ‘речением’ или *лер* ‘говорением’, осознанным как постулированное действие, присущее лицу априори (т.е. смоделированное в прагматической ситуации *со а воацаш* ‘когда я не в пространстве, т.е. ‘не здесь и не сейчас’), и другие свойства индивида, которые подлежат исполнению, посредством каузации (вызывания к жизни), но не моделированию в прагматической ситуации: *со в а хIанз* ‘я мужчина в пространстве теперь’, т.е. ‘здесь и сейчас’, когнитивно маркируются в качестве постулированных и предцируются лицу Говорящему, названному Говорящим и в эргативных, и в номинативных языках согласно его первой априорной функции – функции *лер* ‘говорения’. Прагматическая установка *со в а хIанз* ‘я мужчина в пространстве теперь’ указывает на наличие Говорящего с упаковкой качеств и свойств, исполняемых в данной установке лицом Говорящим, а не моделируемых в данный момент:

(23) *Со (NOM) лув* ‘Я говорю’ (обладаю способностью).

(24) *Со (NOM) кхет* ‘Я понимаю’ (обладаю способностью).

(25) *Со (NOM) вел* ‘Я смеюсь’ (обладаю способностью).

(26) *Со (NOM) вода* ‘Я иду’ (обладаю способностью).

(27) *Со воал* ‘Я рождаюсь’ и др.

За одним магистральным актантом-лицом закрепляется множество (или пучок) семантически гомогенных (постулированных) глагольных свойств, релевантных только для «номинативного» лица Говорящего, противопоставленного в ингушском языке лицу Произносящему, экспонирующему эргативной формой имени (*аз (ERG) оал* ‘я произношу’, *аз (ERG) дувц* ‘я рассказываю’) в другой прагматической установке: *у кх аз а* ‘тут еще я в пространстве’, способному к каузации (вызыванию к жизни) качеств и свойств лица Говорящего.

Таким образом, субъекты модуса в ипостаси лица Созерцающего, валентного лицу Говорящему, и лица Слышащего, валентного лицу Произносящему, интенционально-экспериенциальны и представляют имманентную сферу *хоалуча сага* ‘*homo sensus*’, т.е. человека ощущающего, на поверхностном (грамматическом) уровне представленного аффективной формой имени в ингушском языке и в других нахских также.

Лицо Говорящее, экспонируемое аффективным лицом Созерцающим в дистинкции собственного *Со* ‘Эго’, на поверхностном уровне представленного номинативной формой имени, обнаруживается в прототипической

функции речения (говорения), когнитивно маркируемой как явленной в прагматической ситуации: *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' vs. другой релевантной для ингушского языка прагматической ситуации: *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'.

Речение (артикуляция: «со 'я'» с целью сообщения или номинации), предцируемое лицу Говорящему, откладывается в речемыслительной деятельности ингуша в качестве постулированного свойства в силу визуальной информации: «живой картинке», эвиденциально закрепленной в континууме мышления индивида с пометой «постулированная», так как речедеяние не моделируется, а обнаруживается речедеятелем в прагматической ситуации: *со в а* 'я мужчина в пространстве'.

Иными словами: функция речения (артикуляции вне акустики), прагматически обнаруженная лицом Созерцающим как субъектом модуса в акте познания собственного *со* 'эго', не моделируется, не создается речедеятелем *укхаза* 'здесь', а обнаруживается как запускаемая в прагматической ситуации '*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь', что дает основание квалифицировать «говорение» в качестве постулированного свойства, т.е. данного до опыта.

Вслед за речением, обнаруженным лицом Говорящим в дистинкции собственного *со* 'эго' как антецедентом постулированных свойств, лицу Говорящему предцируются (т.е. лицо Говорящее берет на себя) другие свойства, когнитивно маркированные в качестве постулированных, т.е. данных до опыта.

Свойства глаголов постулированной семантики предцируются лицу Говорящему, посредством которого обнаружено не моделируемое речедеятелем, а запускаемое им в готовом виде речение как качество, данное лицу априори: глаголы (и другие части речи), в семантике которых кумулируются свойства, данные лицу или предмету априори, могут быть названы глаголами постулированной семантики (*кхет* 'понимаю', *ла* 'умираю', *воал* 'рождаюсь', *вода* 'иду', *хов* 'знаю', *глотта* 'встаю' и др.).

Два гетерогенных *саг* 'homo', т.е. человека в одной упаковке (*хоалу саг* 'homo sensus', или человек чувствующий, и *кхета саг* 'homo sapiens', или человек понимающий), экспонируемые двумя различными лицами (модальным сенсорным и рациональным говорящим), на поверхностном уровне соответственно представлены различными падежами имени: *хоалу саг* 'homo sensus' – аффективной формой имени (*сона* 'я') и *кхета саг* 'homo sapiens' – номинативной формой имени (*со* 'я').

Хоалу саг 'homo sensus' vs. *кхета саг* 'homo sapiens' отражаются в распределении глагольных и именных свойств на различных уровнях структуры ингушского языка. Однако не только ингушского.

Список литературы

1. Кибрик А. Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27-57.
2. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейа, 2005. 720 с.
3. Кибрик А. Е. Семантическая эргативность // Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 347-353.
4. Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. С. 111-165.
5. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 264 с.
6. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 226 с.
7. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. 304 с.
8. Тариева Л. У. Компоненты парадигмы лиц ингушского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8. С. 329-337.
9. Тариева Л. У. Рефлективный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 4. С. 84-89.
10. Тариева Л. У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52). С. 24-27.
11. Тариева Л. У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8. Т. 3. С. 197-202.
12. Тариева Л. У. Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Т. 3. С. 311-316.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 369-495.

CRITERIA OF ACTANTIAL PLACING IN THE DIATHESES OF THE NAKH LANGUAGE

Tarieva Liliya Uvaisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ingush State University
Tarieva00@mail.ru

This article attempts to substantiate the conventionality of the functional placement of the components of the paradigm of persons claiming for the status of the first ones, in the semantics of verbs of different corpuses. The components of the paradigm of persons (Beholding, Talking, Hearing, Uttering ones) as the deepest categories appear as different actants, morphosyntactically ambiguously presented at a superficial level. The distribution of the components of the paradigm of persons in the semantic structure of verbs is associated with two pragmatic positions coding different speech persons.

Key words and phrases: actant; evidentiality; modus; paradigm of persons; main actant; pragmatic position.